

ВЛАДИМИР ИВАНОВ – УЧИТЕЛЬ ОТ БОГА

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РОССИИ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ РОССИИ, РЕЖИССЕР, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ МАСТЕРСТВА
АКТЕРА ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ Б.В. ЩУКИНА

ПРОЕКТ АЛЕКСАНДРА ОЛЕШКО
ФОТОГРАФ: АЛЕНА ПОЛОСУХИНА

Э Это мой Учитель. С вальсением я об этом говорю уже более десяти лет. Очень хотелось бы не подвести его. И узнать когда-нибудь, что и он считает меня своим учеником. С трудом за годы обучения в театральном училище им. Щукина он отсек все лишнее, как тот самый Пизмаллион, создал нового человека, а по сути, вернул мне человеческое лицо. Это он сделал из меня театрального астера. Вообще о многом горюшим, что во мне есть, я могу твердо сказать – это он. Недавно я позвонил ему лично в тот момент, когда впервые в жизни почувствовал, что такое не сдавать ежедневно экзамен, что-то кому-то доказывать, а просто полноценно жить творчеством и делом. Ты есть для себя отметил где-то внутри, что я стал его учеником даже больше сейчас, чем был тогда, когда у него учился. Владимир Владимирович Иванов – на этой фамелии, как говорит, Россия держится. Не знаю уж, как там вся Россия, но качественное театральное обучение – точно.

Вы запустили какой-то такой механизм, который работает во мне постоянно и не дает остановиться. Это не просто слова. Для меня это не случайная какая-то история. Все-все, что происходит в моей жизни, хотите верить, хотите – нет, соотносится с тем, о чем вы когда-то говорили. У меня происходит с нами внутренней диалог все время и не только в творческих историях или вопросах, которые я себе задаю и должен сам себе ответить на них. Поэтому я к вам и пришел поговорить.

Вы все сказали вразумительно и убедительно по поводу того, зачем это вам нужно. А мне зачем это нужно?

Вам зачем это нужно?

Да.

Ну, может быть, для того чтобы...

Я не знаю, надо ли вам это знать или нет, я вам благодарен, – по мне происходит изменения, и ни на секунду они не останавливаются. Может быть, для того, чтобы вы получили подтверждение всего этого. А для меня, как человека, который к вам пришел учиться одним, а ушел другим, очень это важно... Ну, знаете, как перед родителями: ты все делаешь для того, чтобы родители тобой гордились. Или если не гордились, то хотя бы вы поняли, что вы потратили ту часть жизненной энергии, которую вы на меня потратили, в общем, не зря. Ну, я tenuto себя надеждой. Может быть, и для этого. Я не могу так... Я в этом смысле...

Вы не готовы к этому вопросу. Понятно.

Ну, вы меня застали врасплох...

Может, я отвечу в конце вам. Я, как, собственно, наверняка и вы, и огромное количество людей, уже не раз становился жертвой недобросовестных журналистов, когда ты говоришь одно, пишут другое, или когда дописывают то, что ты не говорил, а говорил кто-то...

Бог с ними, пусть это останутся на совести людей, которые таким образом поступают.

Это ужасно. Время, которое можно назвать – «Все на продажу».

Не все нужно вытаскивать на свет Божий. Хотя сейчас сплэш и ридж, к сожалению, очень для многих самая главная и выгодная задача – вывернуть свою и чужую жизнь изнанкой наружу. Но если там не окажется какого-нибудь, хотя бы маленького, скандалчика, тогда совсем неинтересно.

Мне кажется, в XXI веке ведущая тема – абсолютная темная. Глобальная провокация для планеты и всех, кто живет на ней.

Хотя сейчас сплошь и рядом, к сожалению, очень для многих самая главная и выгодная задача – вывернуть свою и чужую жизнь изнанкой наружу. Но если там не окажется какого-нибудь, хотя бы маленького, скандалчика, тогда совсем неинтересно.

Борьба между светом и тьмой в острой фазе. Как человек, который занимается творчеством и воспитывает мир особенно тонко, вы чувствуете это?

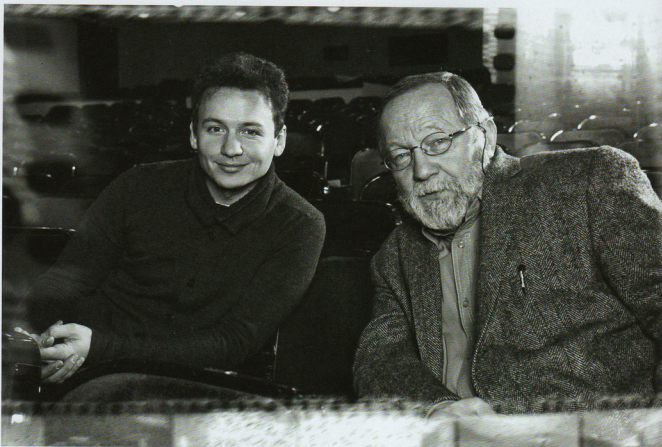
Ну, конечно, думаю, любой чувствует, что апокалипсис, про который давным-давно сказано, неумолимо приближается: кругом «Я хочу». А все остальное – это то, что может удовлетворить это хотение или ему помешать. А чем оно больше мешают, тем больше «я хочу». Ведь человеку мешают жить так, как он хочет, две силы: Бог и люди. И потому мы друг друга не слышим, потому мы не хотим выйти по-настоящему в абсолютность другого, поэтому дикое ощущение одиночества, и оно еще

больше провоцирует эту связь. Спектакль, который я сейчас поставил в Вахтанговском театре по пьесе Горького «Зыковы», именно об этом.

Поздравляю вас с премьерой. Это замечательный спектакль. А кого вы называете своим учителем? Это человек, который с вами был напрямую в каком-то контакте, или, быть может, вы его вынашли? Помню, Этуш на каком-то вечере представлял только по фамилии: «Это – ученик такой-то» и добавил: «Я не могу себя назвать учителем, главное, чтобы этот человек себя назвал моим учеником».

Это, в общем, истина, никому нельзя присвоить звание «мой ученик». Ибо сказано: «Худрука тебе посылает судьба, а учителя

ДУМАЮ, ЛЮБОЙ ЧУВСТВУЕТ, ПРО КОТОРЫЙ ДАВНЫМ-ДАВНО СКАЗАНО, НЕУМОЛИМО ПРИБЛИЖАЕТСЯ.

ты выбираешь сам.

Если же говорить о моих учителях не... поверхностно, а это все вопрос чрезвычайно сложный, потому что то, что я имею в профессии, это в огромной степени результат...

Вашего собственного труда!

В этом году сорок лет, как курс, на котором я учился, закончили училище.

Может быть, еще и для этого нужен этот разговор. Чтобы я вас тронул за какие-то струны и вы стали вспоминать про это.

Может быть. У нас был первый совместный актерско-режиссерский курс в истории Шушинского училища. Впервые набрали очную группу режиссеров, и с ними мы обок постигали основы театра. Сами знаете, какой курс живет в училище опущенные четыре года, то всегда проявляются несколько человек, которые будут определять потом его лицо. И будет потом говорить: «Это курс того-то и того-то». Мои студенческие времена были совершенно замечательные. Перед нами курс Веры Константиновны Лыковой: Байдаловский, Филатов, Дыховичный, Нина Руссулнова, Вера Галкина, Ян Арзаворов. На нашем курсе: Купченко, Сайков, Фокин, Афанасьев, Людмила Зайцева. За нами пришли: Наталья Гундарева, Юра Богатеров, Костя Райкин, Наташа Варлей. В одних стенах такое количество таких людей одновременно – это очень крепкий булон, в котором ты варишься. Но по большому счету я тогда мало понимал, что происходит со мной, что происходит вокруг меня. Я был мало готов к тому, что КПД моего пребывания в училище был больше, чем и на самом деле являлся.

Понимается, потом вы закончили свои собственные ученичества...

В какой-то степени да. Господь послал мне в начале пути билет Челюбкин – Евгению Васильеву Галишину. В начале ей исполнилось 88. Много лет она руководила театральной студией

Дворца пионеров. Сначала еще на улице Стопани, а потом и на Ленинских горах. К ней я и попал, будучи школьником. Она была уникальным педагогом в том смысле, что обладала самыми главными качествами, необходимыми для этой профессии, – ТЕРПЕНИЕМ. Она ничего не шутила, она ничего не строила, она, теперь-то я это понимаю, «сказала» и очень терпеливо ждала, когда...

«Простает».

Именно так, терпеливо и бережно! А рядом был другой театральный коллектив в том же Дворце пионеров. Там был другой педагог, который все время, так сказать, активно воздействовал. Его ученики и воспитанники завоевывали все первые места на всех конкурсах, просмотрах, фестивалях. Это было знамя театрального направления волею. Но, как ни странно, когда дело доходило до приемных экзаменов в театральные вузы, то получалось, что воспитанники Евгения Васильевича, будучи Наташа Гундарева, Сергей Пинюченко, Валера Великий, Влэд Достуров, Сова Гуськова и многие-многие другие, становились студентами. Ну а тем, кто чаще всего завоёвывал первые места, происходило: «Но что вам уже учиться? Вы готовые артисты – идите и проучайте свою детельность». Да, счастливые пионерские детство! Катети, с Наташей Гундаревой мы там играли в одном спектакле «Юрлюк-Олень». Она – Смеральдина, я – Труффальдино. Словом, то, что в конце концов театральная педагогика стала делом моей жизни, это, конечно же, Евгения Васильевна. Если же говорить о других людях, которые сыграли в моей профессиональной жизни какую-то опциментую роль – это прежде всего два старших тактика, два педагога нашего курса: профессора: Виктор Григорьевич Кольцов и Дина Андреевна Андреева. Ах, какие это были Челюбки! Сейчас все-таки лицо педагогического училища изменилось очень сильно. Традиционно преподают только

выпускники школы, но редко среди них актеры Вахтанговского театра. А когда-то почти все были вахтанговцы. У них я и учился актерскому мастерству. После училища меня брали сразу несколько театров с разными, так сказать, приездами. Но получилось так, что в результате ни одно из этих предложений, которые тогда выдвигались, так и не дошло до финала благополучно. И я оказался в Театре на Таганке Юрия Петровича Любимова. Это, конечно же, резко изменило мою судьбу и взгляд на театр вообще. Но там я проработал всего один сезон. Ввелся в «Послушайте!», «Мать», «Десять дней», «Час пик». Участвовал в качестве фашиста в премьеры «А зори здесь тихие». И начал репетировать Озрика в «Замлетте» с Высочким. И тут мой одноклассник Владимир Владимирович Фокин позвал меня на главную роль в новой пьесе Михаила Рошина «Валентин и Валентина», и я перешел в «Современник». Проработал там сезон. Небагатополично. Потому что в результате Валентина сыграл Костя Райкин, а я оказался в Вахтанговском театре. Достаточно быстро Владимир Георгиевич Шлензигер пригласил меня к работе в Шушинском училище. Там-то я и начал свой ученический педагогическо-режиссерский. А что касается вещи еще более важной, чем театр, потому что не все в жизни театр, есть еще и жизнь, и она гораздо значительнее и интереснее любого театра, любых проявлений творческих. Словом, по этой самой жизни главный для меня человек – это мои собственные супруги, потому что это женщина совершенно удивительных человеческих качеств, и во многом благодаря ей я такой, какой я сейчас есть.

Вы знаете, что интересно. У меня была коробка, в которой хранились мои дневники. В прошлом году решил перепечатать – это было таготно очень, и я их все свез, но оставил только ту папку, которую мы не подарили, когда мы закончили училище. Вернулись, и с записками, и с сочинениями, вот это было для меня обидно. В этих дневниках была какая-то такая зависть, глумство, что-то такое неправильное. Я решил от этого избавиться. Подумал, что вот останете в сознании или внутри меня, то и вакаю. Скажите, студенты сейчас, студенты вчера и студенты позавчера разные? Или все-таки в театральном вузе приходит какая-то определенная...

Я понимаю вопрос. Конечно, в театральном вузе приходит определенная, так сказать, пропойка. Я вот недавно совсем был в Испании, неделю мы провели там, отдыхали в Костадель-Соль. В этом отеле, в котором мы жили, завтраки и вечера, шведский стол. В этот отель, в котором мы жили, завтраки и вечера, шведский стол. И мы туда отправлялись каждое утро и вечер, и сидел и смотрел на людей: француз, англичанин, немцы, датчане, голландцы, русские, ну все. Смотрел и поражался, как же среди них мало людей красивых! Ужасные лица, ужасные фигуры, лапы, руки, вообщем все вот это... огромный мурейный напалочен очень некрасивыми людьми. Конечно, там есть другие отелы, там наверняка другие люди, а у этого студий имени чрезвычайно удивляющий вид. И я несколько мыслями

обращался сюда и вспоминал тех, кто приходит на прослушивание. Сто человек на место в театральном вузе, эти цифры складываются из того, что приблизительно 80 из этой сотни не имеют права заниматься этой профессией ни при каких обстоятельствах! Это просто так кажется людям, что они могут. Они хотят и знают, они могут. А на самом деле только на третьем курсе, когда уже первые два тура разгребают всю эту поруду, остаются те люди, которые действительно имеют право претендовать на это место под театральным солнцем. И, конечно, это люди исключительные из общей массы в зависимости от времени, когда они пришли учиться 15, 20 лет назад или сегодня, или завтра, все равно это некая душевная погрешность творчества, красоты, создания любой и всем, что тебе дано, какого-то другого мира, это другой способ мышления, фантазия и прочее, прочее – ну, это качества, которые делают артиста артистом. А что касается разницы, то она чрезвычайно существующая, потому что, предположительно, есть первый мой самостоятельный курс – я не беру Колесников курс, на котором я был молодым худруком и где учились Максим Суханов, Даша Михайлова, Алена Яковлева, Саша Самойленко, – а мой первый самостоятельный, где были Аронава, Дубровская, Гриншова, Епифанцев, Пирогов, Сафонов. В 90-м они пришли. Они родились и выросли в другую эпоху, доперестроечную, совсем так. Когда они учились в школе, с молоком материн и впитали то, что интереса училища важнее, чем интереса индивидуальности каждого человека. У сегодняшних – я не говорю правильно это или неправильно, но все зеркально наоборот.

Скажите, а вы помните свой самый первый урок в качестве педагога?

Очень хорошо помню. Это был 78-й год. Владимир Георгиевич Шлензигер меня на этот деле подан. Это был курс Анатолия Ивановича Беркова, который был моим педагогом, и он меня позвал делить отрывком. И... Алла Александровна Каванская на своем курсе меня пригласила делить отрывок. Я помню, что я шел на этот первый урок и думал: «Господи, что я буду делить отрывка часа?! Что я могу?». Было ощущение, что все, что я знаю и могу, этого хватит ровно на шесть с половиной минут, а что я буду делить все остальное время? Это было самым чудовищным. Вроде я все знаю, я все это прошел, я учился в этом училище, я уже к этому времени пять лет проработал в театре, в одном, но театре и на Таганке, и в «Современник», в Вахтанговском театре играю главную роль. Я этот отрывок начал сло-пить и потом сказал: «Вос, больше этого и делить не буду, потому что это совсем все другое». Я понял, что для того, чтобы этот материал серьезно надо все заново прожить. Надо начать с первого курса, все понять, как это делается, что это такое! И действительно, следующий уже этап мой был, когда я начал все сначала у Колесникова. Там я уже занимался «Школой», потом делал «Прощание с Матерой» В. Распутина.

Есть ли у педагога какой-то свой секрет или же это как-то такая история необязанная?

Нет. Понимаете, как? Секрет, никакой не секрет это... Мне недавно, когда я набирал последний курс, одна актриса Вахтанговского театра сказала: «Ну вот, опять вы наберете, опять будете им, что называется, попу подпирать каждый раз». У Достоевского в «Двойном дне» есть фраза: «И будете его морщить манной кашкой, конфетами и сахаром в золотых нках». Хлопочишь – это, я так понимаю, куски ваты. Понимаете, я артири их люблю, потому что создать что-то можно только по любви. И поэтому, несмотря на то, какие бы они ни были, я их люблю. Я очень раздраженный человек и нетерпеливый в быту, но я знаю, что у меня есть то самое, одно из главных качеств для педагога – творческое терпение. Я могу много раз пытаться объяснить одно и то же до тех пор, пока человек сам не поймет, и тогда ему можно объяснить. Вот эта любовь и терпение, это и есть то самое, что все определяет. А отсюда все остальное – и требовательность, и жесткость, и все, что прискачет от этого. Это то состояние души, которое и является самым прекрасным, потому что в этот момент сходимия, это момент творческих встав. Вот в этот момент ты понимаешь, что у тебя есть, такой накал информационный, который тебе сваливается с тем, что движет миром, и что ты в этом процессе творчески участвуешь. Вот, наверное, как-то вот так, красиво, наверное, звучит, но...

Артисты какие-то три-четыре года снова учатся. Интересно. У них какие-то тренинги, какие-то школы. Ну, не в коем, но все-таки на каком-то тенденции существует, у них нет того момента: «вы выпустили и вот я народный артист Советского Союза». Я-то вообще просто понимаю теперь это очень ясно, что это университет, который ты никогда не заканчиваешь, это такая анфилада команд, которые открываются, открываются, открываются.

Вы травы абсолютной! Еще почему-то никому не придет

в голову в здравом уме и в твердой памяти строить паровоз или там самолет своими руками собрать, сесть на него и полететь. А вот сыграть роль, поставить спектакль, это запростю. Я тут не так давно в антрепризе участвовал, и там один артист, который не артист по образованию, пришел на репетицию и сказал: «Ой, наверное, мне надо уходить, Владимир Владимирович» – «А что такое?» – «Да вот я вчера пошел смотреть один спектакль, в котором два непрофессиональных артиста играли главные роли, это был такой кошмар». Но он играно!

Артистом можно стать или им все-таки нужно родиться? Собственно, как и режиссером, педагогом.

**Я ОЧЕНЬ
РАЗДРАЖЕННЫЙ
ЧЕЛОВЕК
И НЕТЕРПЕЛИВЫЙ
В БЫТУ,
НО Я ЗНАЮ,
ЧТО У МЕНЯ
ЕСТЬ ТО САМОЕ,
ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ
КАЧЕСТВ
ДЛЯ ПЕДАГОГА –
ТВОРЧЕСКОЕ ТЕРПЕНИЕ.**

Бывают обстоятельства, когда работаешь с людьми и понимаешь, что их дарование, если не нулевое, то приближено к этому. И ты всегда поражаешься результату, который достигается, когда применяется школа, методология, последовательная, чрезвычайно продуманная и практичной выверенная система, дающая возможность научить профессиональным приемам. Но роль сыграть, если говорить об артисте, спектакль поставить, если говорить о режиссере – это не такая уж естественность познания себя и мира, который тебя окружает. Если это так, тогда это художник, тогда это по-настоящему творческий человек. А если нет – то тогда этому можно научить. Можно рядом приемом человека научить, как учить зайдя стучать на барабане – дроссировка тогда получается. Это дроссура! Можно рядом приемом прикрыть человека, натаскать его, и он может сыграть роль, так сказать, прилично. Но если это не цель, а средство, тогда этому научить нельзя. Значит, над этим есть что-то другое, что тебе нужно. Мы, в конце концов, в этот мир приходим тогда тоже, чтобы стать артистом, художником, инженером, химиком, садовником и так далее. Все равно нам дается это как средство познания себя и мира.

Какой творческий этап вам доставляет наибольшую радость? Конечно, наверное, лучше все-таки в отношении спектакля, хотя, с другой стороны, я все не могу организовать. Я не знаю, читка ли, сборка ли, прогон, первый спектакль.

Я люблю, и обреш, все этипы работы, потому что в каждом из них есть своя прелесть. Я люблю застольный период, потому что в той егуне и «быстр-быстры» много пролетает мимо. Люблю подробно, тщательно, долго и основательно разбираться во всем, что описано в пьесе. И я очень люблю конкретную репетицию сценическую, когда выстраивается то, о чем ты думал, что ты пытался обосновать, а теперь есть практический момент, когда это надо собрать. Очень люблю замечания! Потому что я я могу разговаривать с артистами или со студентами, не просто похвалить, куда-то их направить или что-то их выдвинуть, но тут есть, часто эстетическая история, я в этот момент могу проговорить за все! И могу свою неудовлетворенную актерскую сущность нормироти! Так сложился мой язык, что, когда я перешел в Вахтанговский театр и стал в нем работать постоянно, я очень быстро понял, что то, что мне интересно, как артисту Вахтанговского театра, это мне неинтересно. Потому что я это на раз могу сделать. А каких-то других, более интересных задач, сложных, более основательных, не было.

И еще один вопрос как в гражданстве, но только человеку, который живет в театре. Как вы относитесь к мату на сцене?

Абсолютно отрицаю. Я понимаю, есть вещи, без которых нельзя. И если это эмоционально обосновано и если у персонажа выдержаны дела, он должен больше ничего не могут походить, но можно понять. Но когда это становится обязательной нормой, лексикой и языком, на котором в спектакле разговаривают, этого я принять не могу. Искусство – это отбор. А если отбирается это... Это становится неким манифестом. Я сейчас в артистический зал, и рядом со мной сидит, не знаю, мой внук. Я испытываю при этом... Я понимаю, что создатели на это и рассуждают, они хотят выдвигать, хотят меня вывести из благодушного состояния, но... Для достижения цели не все средства хороши.

Продолжите, пожалуйста, фразу: «Моя жизнь – это...»
Моя жизнь – это... Моя жизнь – это моя жизнь. Вот вам и все.

Поясните! Это замечательно. Этот вопрос – единственный, который я придурился сформулировать лет двенадцать назад. И на него в первый раз задали Алла Парфиной, тартесой ей небесное. Она села в кресло и сказала: «Детка, мне надо подумать».

Я вжался в кресло, думаю: «Ой тут не шлохуэсь». Минут 15 она молчала, потом ответила и сказала: «Это писать нельзя, но тебе и сказала. Я ответила». Это было грандиозно! Тогда это перевернуло сознание мое. Я на это все смотрел другими глазами, потому что я тогда еще не был знаком с санктисманом. Поэтому я вам очень благодарен за этот ответ, а, да, наверное, это не интервью, а разговор все-таки. За возможность поговорить, вспомнить, что было в очередной раз понять, услышать. Знаете, а сейчас подумал, вначале вы спросили: «А мне-то зачем это нужно? Может быть, вам это нужно для того, чтобы в очередной раз мне сказать слова благодарности. Потому что это, опять же, к времени выстраивается, люди как-то так отидики, занятые, не имеют возможности какую-то остановку сделать для того, чтобы оглянуться, посмотреть вокруг, сказать, какие-то слова друг другу, потому что раньше как-то это было завездено даже. Вот, сказать спасибо за какую-то такую внутреннюю связь, за все эти нити, которые существуют, которые ты собираешь. И какие бы, скажем так, и на были иногда инстинкты вокруг, может быть, еще и для того, чтобы вам признаться в любви, если хотите. Я понимаю, что, наверное, это звучит инфанно. Но это, наверное, на самом деле. И те люди, которые так или иначе со мной, или я с ними сейчас, они мне бесконечно задают вопрос: «Да что же ты все про своего отца. И Инанова? Потому что какие-то вещи есть, в которых я и не могу не возвратиться. Они там, внутри, живут».

Саш, это естественно, потому что просто начало пути, которое начало пути. Ребенок получает, а сейчас не помню, какая цифра, что-то около 90% информации о жизни в период с года до трех. А остальные 10 или 17% – все свое последующее знание. А если человек искренне хочет понять, а другой может искренне объяснить или отдать, передать, тогда образуются те связи, про которые вы говорите. Как я говорил про свою 89-летнюю первую учительницу, я могу очень долго не забыть, но она присутствует в моей жизни все время, отдаю я себе отчет в этом или нет. Я понимаю, что она была в самом начале пути, когда пришел к ней пионером. Как сейчас помню, я был такого цвета, какой мой внук, совершенно белый-белый, как будто вытравленный пергидролом, такая у меня была голова. И помню, у меня была такого василькового цвета водолазка...

Модный.

Я был модной ужасно! И поверх был завязан красный галстук. И такой я был тонкий! Помню, как я переступил порог и увидел ее, и это все на все потом оставались живые. Другое дело, что происходит всякие в жизни события, коллизии. Все это тоже... жизнь, она и есть жизнь. ©